

Глаголев С. С. Взгляд Васманна на происхождение человека //
Богословский вестник 1911. Т. 1. № 4. С. 621–642 (3-я пагин.).
(Начало.)

В З Г Л Я Д Ъ

Васманна на происхождение человѣка.

Судьба многихъ научныхъ теорій является блестящимъ подтверждениемъ ученія Гегеля о діалектическомъ процес-свѣ. Когда я впервые читалъ книги объ электичествѣ (въ семинаріи, где я обучался, электричества не проходили), я встрѣчалъ вездѣ ясно выраженное положеніе, что электрическая энергія находится въ проводникахъ. Когда потомъ я слушалъ курсъ физики въ московскомъ университетѣ, проф. Столѣтовъ, руководясь главнымъ образомъ Жуберомъ, раз-вивалъ передъ слушателями теорію, что электрическая энер-гія находится *внѣ* проводниковъ и что мы называемъ про-водниками то, что на самомъ дѣлѣ абсолютно непроницаемо для электричества. Въ книгахъ объ электричествѣ, выходя-щихъ теперь, обыкновенно утверждается, что электричество-находится вездѣ, сама матерія имѣеть электрическую при-роду и среда представляеть собою электрическое поле. На этомъ примѣрѣ мы можемъ видѣть, какъ идея приблизи-тельно въ теченіи четверти вѣка прошла три фазы діалек-тическаго процесса. Сначала—тезисъ, утвержденіе: электри-чество находится въ проводникахъ, затѣмъ—антитезисъ, отрицаніе: электричества нѣть въ проводникахъ. Наконецъ—синтезисъ, такъ сказать, соглашеніе: электричество нахо-дится отчасти въ проводникахъ, отчасти *внѣ* ихъ. Можно привести много примѣровъ, иллюстрирующихъ теорію Гегеля. Но въ этомъ для нась нѣть нужды. Поучительнѣе для нась сопоставить взгляды Гегеля съ сужденіемъ Агассица объ отношеніи научныхъ теорій къ религіи и морали. По Агас-сицу, исторія этихъ отношеній обыкновенно тоже проходитъ

три фазы. Когда является новое учение, о немъ по Агассицу говорятъ: „это противно религии и нравственности“. Такова первая фаза. Во вторую фазу ничего не говорятъ. Въ третьей фазѣ, когда случится, что эту научную теорію станутъ развивать передъ представителями религии и морали, послѣдніе заявляютъ: „это давно всемъ извѣстно“. Такъ Агассицъ, какъ и Гегель, въ концѣ концовъ приходитъ къ синтезису.

Назадъ тому болѣе двадцати лѣтъ русскій дарвинистъ Тимирязевъ въ своей публичной лекціи „опровергнуть ли дарвинизмъ?“ высказалъ предположеніе, что конфліктъ между богословіемъ и дарвинизмомъ уладится, какъ уладилися конфлікты богословія съ астрономіей и геологіей. Я лично никогда не допускалъ и не допускаю мысли, чтобы Дарвина можно было согласить съ Евангеліемъ. Но я долженъ сознаться, что въ нѣкоторомъ смыслѣ пророчество московского ботаника стало осуществляться. И у насъ на Руси имѣются люди, которые пытаются соглашать свои дарвинистические убѣжденія съ православной вѣрой. И въ католическомъ мірѣ явились ученые, готовые допустить въ нѣкоторой мѣрѣ происхожденіе человѣка отъ животныхъ типовъ. Что касается до русскихъ опытовъ соглашенія, то для нихъ самое лучшее, если ихъ не будутъ разсматривать. Этого нельзя сказать о католическихъ опытахъ. Тамъ вопросъ о признаніи эволюціонной теоріи выдвигался постепенно и коллективно. Его обсуждали люди компетентные и въ богословіи и въ зоологии. Тамъ старались не упустить изъ виду ни естественнонаучныхъ, ни богословскихъ трудностей проблемы. Капитальною работою посвященою вопросу является въ настоящее время книга іезуитскаго патера Васманна—Die moderne Biologie und die Entwicklungstheorie (Dritte Auflage, Herder, 1906). Васманнъ—зоологъ по специальности, онъ извѣстенъ своими работами по энтомологіи (например, о Dinarda, о психическихъ способностяхъ муравьевъ). Идеи Васманна нашли себѣ сочувствіе у французскихъ католиковъ и Revue pratique d'apologtique посвятило нѣсколько статей обсужденію ихъ съ богословской точки зренія. Поневидимому онъ произвели впечатлѣніе и на нѣкоторыхъ людей свободомыслящихъ. Такъ Морицъ Гернесь въ своемъ обширномъ двухтомномъ трудахъ „Natur-und Urgeschichte des Menschen (Wien und Leipzig. 1909)“ при обсужденіи вопроса о

происхождениі человѣка пытается привлечь на сторону теоріи эволюції блаженнаго Августина, очевидно пользуясь книгою Васманна. Но за всѣмъ тѣмъ, допуская возможность уступокъ съ своей стороны для теоріи эволюції, Васманъ не добился того, чтобы противники христіанства во имя теоріи эволюції съ ихъ стороны допустили возможность уступокъ христіанству. Въ 1907 г. Васманъ вель обѣ этомъ публичные дебаты въ Берлинѣ, которые потомъ и опубликовалъ въ своей книжкѣ „Der Kampf um das Entwickelungsproblem in Berlin (Freiburg im Breisgau, 1907)“. Его рѣчи, въ которыхъ было много основательного и которыхъ были ясны и просты, оказались безусловно недоступными пониманію послѣдователей Дарвина и Геккеля. Какъ будто вмѣстѣ съ дарвинистическими и геккелевскими теоріями имъ сообщился какой то умственный дальтонизмъ, дѣлающій ихъ не воспримчивыми ко многому въ умственной и ко всему въ религіозной сферѣ. Думается, что этотъ дальтонизмъ можетъ исчезнуть у нѣкоторыхъ (у многихъ онъ будетъ существовать всегда) лишь тогда, когда дарвинизмъ и геккелевизмъ сдѣлаются достояніемъ исторіи. Васманъ какъ будто готовъ смотрѣть иначе.

Изложимъ и потомъ попытаемся оцѣнить его воззрѣнія.

1.

Постановка вопроса о происхождениі человѣка, по Васманну.

Теорія происхождениія животныхъ и растительныхъ видовъ путемъ эволюції естественно вызываетъ вопросъ: можетъ ли происхождение человѣка быть изъято изъ общаго закона? и очень многіе ученые отвѣчаютъ, что такое изъятіе не можетъ быть допущено, что животное происхождение человѣка очевидно. Это утвержденіе, говорить Васманъ, поконится на двухъ молчаливыхъ предположеніяхъ, 1) что зоология есть единственная наука, рѣшающая вопросъ о происхождениіи человѣка и 2) что животное происхождение человѣка фактически уже доказано зоологіей. Оба эти предположенія нужно изслѣдоввать.

Рѣшить вопросъ о происхождениіи человѣка значитъ рѣ-

шить вопросъ не только о происхожденіи его тѣла; но и вопросъ о происхожденіи его души. Кромѣ зоологии слѣдовательно къ обсужденію вопроса должна быть привлечена психологія. Сравненіе нашей духовной жизни съ проявленіями душевной жизни животныхъ показываетъ между ними безконечное различіе. У животныхъ нѣть способности абстракцій и поэтому нѣть и свободы воли, у нихъ нѣть разумного способа выраженія ощущеній и чувствъ въ формѣ языка, вмѣстѣ съ отсутствіемъ разума у нихъ исчезаетъ возможность науки, религіи, морали. Одинъ только человѣкъ владѣеть чувственно-разумною душою, которая существенно отлична отъ просто чувственной души животныхъ.

Сторонники зоологической точки зрѣнія чрезвычайно просто и смѣло решаютъ вопросъ о происхожденіи душевныхъ свойствъ человѣка. То особенное, что заключается въ человѣческомъ духѣ, по ихъ теоріи въ зачаточномъ состояніи имѣется у животныхъ и развилось изъ этихъ психическихъ зародышей животныхъ. По поводу этого взгляда Васманъ приводитъ разсужденіе Карла Эрнеста Бера. „Пусть кто-нибудь слышитъ играющій рогъ, можетъ быть припоминаетъ мелодію, но естественно онъ не можетъ допустить, чтобы рогъ игралъ самъ собою. Тогда ему говорить червь, находившійся внутри рога, когда послѣдній началъ играть. „Мелодія? Глупый инструментъ! Я сильно почувствовалъ ужасный порывъ вѣтра, выбросившій меня изъ рога.“ Но паукъ, который сидѣлъ на рогу, заявляетъ: „никакой мелодіи, никакого бурного вѣтра, въ рогу возникли колебанія то быстрѣе, то медленѣе, которыхъ я явственно чувствовалъ“. Оба—и червь и паукъ—правы съ своей точки зрѣнія, но оба они совершенно не владѣли чувствомъ мелодіи. Представимъ себѣ теперь далѣе, что какой-нибудь путешественникъ во внутренности Африки потерялъ нотную тетрадь. Бушменъ находитъ ее и усматриваетъ въ ней просто связку сухихъ листьевъ. Обращавшійся съ европейцами готтентотъ признаетъ въ ней бумагу, европейской колонистъ—записную книжку. Музикально образованный человѣкъ находитъ въ ней увертюру Моцарта къ „Волшебной флейтѣ“ или симфонію Бетховена“. „Такъ, говоритъ Бэръ, происходитъ съ изслѣдованиемъ духовнаго“. „Кто не имѣеть склонности и способности къ изслѣдованию духовнаго, тотъ пусть его и не

изслѣдуетъ; только пусть онъ и не берется судить о немъ а довольствуется знаніемъ своего „я“. Да, натуралистъ имѣть право остановиться передъ границами духовнаго, потому что здѣсь прекращается вѣрный путь его изслѣдований, и его надежные руководители—масштабъ, вѣсы и вѣшнія чувства—оставляютъ его. Но онъ не имѣть права сказать: такъ какъ я здѣсь ничего не вижу и ничего не могу измѣрить, то здѣсь ничего и не можетъ быть, или: только тѣлесное, измѣримое имѣетъ дѣйствительное существованіе, такъ называемыя духовныя явленія возникаютъ изъ тѣлесныхъ, являются ихъ свойствомъ или атрибутомъ. Въ послѣднемъ случаѣ опъ судилъ бы какъ готтентотъ, который хорошо видѣлъ линіи и точки, но не видѣлъ никакой музыки, или какъ ученый паукъ, который вычислялъ вибраціи рога, но не слыхалъ никакой мелодіи“.

Такъ какъ, говорить Васманнъ, душа человѣческая разумна и поэтому отличается отъ души животныхъ не по степени, а по существу, то она могла явиться только вслѣдствіе творческаго акта, а не путемъ развитія, вотъ почему такой выдающейся представитель дарвинизма, какъ Альфр. Россель Уоллесъ, высказался противъ возможности духовнаго развитія человѣка изъ животнаго царства. Но душа и тѣло человѣка представляютъ одно существо, вслѣдствіе этого весь человѣкъ занимаетъ исключительное мѣсто въ природѣ. Отсюда съ философской точки зренія нельзя ничего возразить противъ предположенія, что происхожденіе человѣка обязано творческому акту.

Человѣкъ становится человѣкомъ по причинѣ своей разумной души, и поэтому созданіе первого человѣка произошло, когда была создана его разумная душа и соединена съ „тѣломъ изъ земли“. Мы можемъ спокойно допустить, что Богъ при этомъ актѣ соединенія пользовался матеріей естественными причинами подготовленной къ такому акту. Новидимому это допускалъ Августинъ. Мы представляемъ нашимъ атеистическимъ противникамъ рисовать себѣ Бога, какъ горшечника въ человѣческомъ образѣ вылѣпляющаго тѣло Адама изъ глины и потомъ вдыхающаго душу въ его лицо. Этотъ антропоморфный способъ представлениія уже Августинъ обозначилъ, какъ *primitivum puerilis cogitatio* (слишкомъ дѣтскій способъ пониманія).

Мы хорошо знаемъ, что способъ выраженія священнаго Чисанія нужно рассматривать какъ образный, но мы не знаемъ, какими свойствами обладала та матерія, которую Богъ употребилъ въ творческомъ актѣ для соединенія съ первою человѣческою душою. Въ понятіе творенія нѣть необходимости заключать мысль, что весь человѣкъ былъ непосредственно созданъ Богомъ. Тѣло и душа могли быть созданы различнымъ образомъ, первое—посредственно, вторая—непосредственно. Относительно творенія человѣческаго тѣла достаточно допустить, что его атомы первоначально созданы Богомъ и что законы, по которымъ изъ этихъ атомовъ образовалось человѣческое тѣло, первоначально были заложены въ матерію всемогуществомъ Творца. Поэтому мы и теперь можемъ сказать съ полнымъ правомъ о каждомъ отдельномъ человѣкѣ, что онъ есть всецѣло созданіе Божіе, какъ по душѣ, такъ и по тѣлу, хотя непосредственно создана только душа, а тѣло образовалось естественнымъ образомъ изъ зародышевыхъ родительскихъ клѣточекъ.

Относительно созданія человѣка Васману представляются двѣ возможности: или Богъ прямо создалъ всего человѣка въ совершенномъ состояніи, или *Богъ при возведеніи къ бытию первого человѣка, какъ и при образованіи прочихъ естественныхыхъ существъ, пользовался естественными фактограми, насколько они могли содѣйствовать происхожденію первого человѣка.* Въ послѣднемъ смыслѣ Васманъ, опираясь на авторитетъ и руководство Кнабенбауера (S. J.), толкуетъ воззрѣнія блаженнаго Августина. Вопросъ о сотвореніи человѣка Августинъ обсуждается въ трактатѣ *De Genesi ad literam. L. 1* (Migne, Patrol. lat. XXXIV).

Божественная дѣятельность при образованіи человѣческаго тѣла отличается ли отъ той, которой были образованы тѣла животныхъ? Книга Бытія повидимому утверждаетъ это различіе, представляя, что животныя явились по божественному приказанію, по Его слову, между тѣмъ какъ человѣкъ былъ прямо образованъ Имъ. Но говорить Августинъ, здѣсь нѣть дѣйствительнаго различія. Богъ сотворилъ человѣка, какъ и міръ, своимъ словомъ, которымъ сотворено все (Иоан. 1, 3). Но какъ Его слово, Его мудрость и Его могущество на самомъ дѣлѣ одно и то же, такъ и Его рука не есть видимый членъ, но обозначаетъ собою способность творить.

Человѣкъ отличается отъ животныхъ не тѣмъ, что его тѣло создано особеннымъ образомъ, а тѣмъ, что онъ созданъ по образу Божію.

И кромѣ того нѣкоторыя мѣста священнаго текста повидимому уничтожаютъ то различие, которое подсказывается первою главою книги Бытія. О животныхъ, отмѣчаетъ Августинъ, точно также говорится, что они образованы изъ земли. „Господь Богъ образовалъ изъ земли всѣхъ животныхъ полевыхъ и всѣхъ птицъ небесныхъ, и привелъ (ихъ) къ человѣку, чтобы видѣть, какъ онъ назоветъ ихъ“ (Быт. 2, 19). Васманъ пользуется здѣсь не вульгатою, а текстомъ LXX).

Наконецъ, повидимому изъ трактата Августина можно извлечь болѣе опредѣленный аргументъ въ пользу распространенія теоріи эволюціи на человѣческое тѣло. Правда, мысль Августина здѣсь довольно темна и не допускаетъ безспорного толкованія. По возрѣніямъ его міръ былъ сотворенъ мгновенно, но не такъ, чтобы всѣ роды бытія—органическаго и неорганическаго—съ первого мгновенія явились въ состояніи того совершенства, къ которому были предназначены, не такъ въ частности, чтобы человѣкъ жилъ съ первого момента возникновенія міра. Нѣтъ; утверждая мгновенное созданіе міра, Августинъ хочетъ сказать, что матерія съ первого мгновенія была надѣлена такою силою, что различные типы существъ и человѣческое тѣло безъ новаго вмѣшательства творца сами должны были образоваться изъ нея во время отъ начала предопредѣленное Богомъ. Это—зnamенитая теорія съменныхъ причинъ. Созданіе разумной души стоитъ вѣцѣ процесса, производимаго этими причинами.

Какъ католикъ, Васманъ хочетъ найти опору для распространенія теоріи эволюціи на происхожденіе человѣческаго тѣла въ величайшемъ католическомъ авторитетѣ—Ѳомѣ аквинскомъ (*Summa theolog. 1, q. 118, a. 2 ad 2; contra gentes 1. 2, c. 89; De potent. q. 3, a. 9*). Ѳома развивалъ теорію о трехъ типахъ души. Есть душа растительная, есть душа чувственно-растительная и наконецъ, есть душа разумная. Человѣкъ въ его эмбриональномъ состояніи сначала владѣеть лишь душою растительною, т. е. душою не имѣющею ощущеній, только обусловливающей органическую жизнь. Во второй стадіи развитія у человѣка является животная душа и наконецъ въ третьей стадіи онъ приобрѣаетъ душу

разумную. У Томы аквинского эта рѣчь о трехъ душахъ имѣть въ виду каждого человѣка. Васманнъ находитъ возможнымъ приложить эту теорію къ исторіи человѣчества. Сначала былъ нѣкоторый родъ организмовъ, жившій только растительною жизнью, потомъ изъ нихъ вышелъ родъ, обладавшій животною душою; далѣе, этотъ родъ развился въ такую форму, въ какую Богъ вложилъ разумную душу. Человѣкъ сталъ человѣкомъ по этому предположенію только въ моментъ созданія разумной души. Но и въ предшествующихъ стадіяхъ онъ никогда не былъ просто растеніемъ или просто животнымъ, но уже былъ человѣкомъ въ процессѣ становленія, потому что какъ въ индивидуальномъ развитіи конечная форма представляется какъ *forma specifi-ca*, опредѣляющая собою сущность всего процесса развитія, такъ это должно быть и въ гипотетическомъ развитіи рода. Все развитіе человѣка происходило бы тогда въ одномъ и томъ же родѣ „человѣкъ“, хотя естественно-научная систематика и классифицировала бы предшественниковъ человѣка, какъ особые виды, роды и т. д. При такомъ способѣ происхожденія человѣческаго тѣла достоинство человѣка сохранилось бы не менѣе, чѣмъ при допущеніи прямого образованія его изъ неорганической матеріи. Иначе было бы несогласно съ достоинствомъ человѣка то, что его тѣло и теперь образуется черезъ развитіе сѣмени изъ оплодотворенной яйцеклѣтки. Но всѣмъ этимъ соображеніямъ Васманнъ придаетъ лишь чисто спекулятивное значеніе, потому что между теоретическою возможностью и фактическою дѣйствительностью подобнаго способа происхожденія остается цѣлая бездна.

Васманнъ резюмируетъ все предшествующее разсужденіе такимъ образомъ.

Зоологія съ правомъ можетъ рассматривать человѣка по его тѣлесной сторонѣ, какъ высшаго представителя класса млекопитающихъ. То же самое имѣть значеніе относительно развитія человѣка изъ сѣмени, совершающагося аналогично съ развитіемъ другихъ млекопитающихъ. Точно также въ развитіи чувственныхъ способностей душевной жизни человѣкъ является высшимъ представителемъ рода млекопитающихъ, потому что его мозгъ организованъ совершеніемъ и развить выше, чѣмъ мозгъ остальныхъ представителей

класса. До этого пункта зоология и примыкающая къ ней сравнительная физиология нервной системы вполнѣ компетентны. Философія можетъ прибавить, что рассматриваемое само въ себѣ происхожденіе человѣческаго тѣла согласно теоріи развитія нельзѧ считать невозможнымъ. Но зоология съ ея вспомогательными науками совершенно некомпетентна въ вопросѣ, какую природу и какое происхожденіе имѣть разумная человѣческая душа, потому что этотъ вопросъ лежитъ въ рамокъ зоологического изслѣдованія. Изъ этого слѣдуетъ, что зоология некомпетентна въ вопросѣ о происхожденіи всего человѣка, какъ такового. Ея компетентность ограничивается соматическою стороною вопроса и здѣсь она не можетъ дать рѣшительного сужденія, потому что душа и тѣло въ человѣкѣ соединены въ одну субстанцію. Вопросъ о происхожденіи человѣка оказывается смѣшаннымъ. При отвѣтѣ на него первое мѣсто принадлежитъ психологіи, такъ какъ она занимается высшею стороною человѣка, между тѣмъ какъ зоология и ея вспомогательными наукамъ принадлежитъ лишь второй голосъ, такъ какъ ея приговоръ можетъ касаться только низшей стороны человѣка. Психологія говоритъ намъ: высшая сторона человѣка не можетъ имѣть животнаго происхожденія. Тогда для зоологии и ея побочныхъ вѣтвей остается дать отвѣтъ на вопросъ: можно ли, не смотря на это, допустить животное происхожденіе для низшей стороны человѣческаго существа?

2.

Критика Васманномъ естественно-научныхъ оснований эволюціоннаго происхожденія человѣка.

Васманъ обсуждаетъ зоологическую сторону вопроса о происхожденіи человѣка. Спрашивается, какъ обстоитъ дѣло съ фактическими доказательствами тѣлеснаго происхожденія человѣка отъ животныхъ предковъ? И Васманъ отвѣчаетъ: очень плохо, крайне неудовлетворительно.

Дарвинисты разсуждаютъ иначе. Видерегеймъ въ 1887 г. выпустилъ книгу *Der Bau des Menschen als Zeugniss für seine Vergangenheit* (строеніе человѣка, какъ свидѣтельство о его прошломъ) и въ 1902 г. вышло ея третье изданіе. Если по-

вѣрить Видерегейму, то человѣкъ настоящаго только мозаической образъ составленный изъ животноподобныхъ частей иrudиментарныхъ органовъ, которые онъ наслѣдовалъ отъ своихъ высокоблагородныхъ предковъ. Въ человѣческомъ тѣлѣ не оказывается органа, который по Видерегейму не свидѣтельствовалъ бы о животномъ происхожденіи человѣка. До мельчайшихъ штриховъ онъ описываетъ нечеловѣческаго предшественника человѣка. Онъ знаетъ, каковъ былъ у того волосяный покровъ, какова была его кожная мускулатура, какъ велики были его двигающіяся ушные раковины; онъ знаетъ, что наши глаза смотрѣли тогда не впередъ, но помѣщались по бокамъ головы и что для восполненія этого ихъ недостатка существовалъ еще третій глазъ на верхней части головы, который мы теперь называемъ шишковидной железой. Видерегеймъ нашель и вымыриль, что кишечный каналъ у дочеловѣческихъ предковъ былъ гораздо длиннѣе, чѣмъ въ настоящее время, и былъ приспособленъ исключительно къ перевариванію растительной пищи. Слѣдя за судьбами своего протеже, Видерегеймъ представляеть, какъ изъ травояднаго онъ превратился въ всеяднаго и большое число его рѣзцовъ стало коренными зубами, онъ сталъ плотояднымъ и его кишечный каналъ укоротился соотвѣтствующимъ образомъ. Прежде чѣмъ рука человѣка научилась размахивать каменнымъ топоромъ, его оружіемъ было умѣнье кусаться, причемъ его чудовищные клыки являлись естественными кинжалами. Вмѣстѣ съ этимъ у предшественника человѣка развились громадные гортанны мѣшки, которые сообщили его голосу страшную мощность и силу и сдѣлали его средствомъ возбуждающимъ ужасъ во врагахъ. Такъ подробно—черта за чертою—описываетъ Видерегеймъ своихъ или его предковъ. Гаманинъ и Ранке („Человѣкъ“, имѣется въ русскомъ переводѣ) показали полную фантастичность этого описанія.

Фрицъ Мюллеръ установилъ и Эрнестъ Геккель потомъ развили основной биогенетической законъ, согласно которому индивидуумъ въ своемъ эмбриональномъ развитіи проходитъ въ быстромъ послѣдовательномъ рядѣ всѣ тѣ ступени, которыя его предки прошли въ своей родовой исторіи. Онтогенія отражаетъ въ себѣ филогенію. Индивидуальное развитіе отражаетъ въ себѣ исторію рода. Руководясь этимъ прин-

ципомъ, Геккель написалъ антропогенію. Одноклѣточная стадія человѣческаго яйца есть повтореніе жизни одноклѣточныхъ монеръ и амебъ (монеры представляютъ собою лишь кусокъ протоплазмы, у амебы въ протоплазмѣ имѣется ядро), дальнѣйшія стадіи отражаютъ въ себѣ жизнь зиамебіевъ (нѣсколькоклѣточныхъ организмовъ), планеадѣй (мерцающихъ существъ снабженныхъ ртомъ), гастрей, представлявшихъ собою кишечный каналъ съ двумя отверстіями—для приема пищи и ея удаленія. Далѣе человѣческій зародыши воспроизводить собою архемитеса—первочервя (организмъ съ первыми слѣдами нервной системы), потомъ онъ воспроизводить типъ мягкихъ червей (съ кровью и внутренними полостями), послѣ этого онъ воспроизводить типъ своихъ предковъ хордоній (организмовъ снабженныхъ спинною мозговою струной). Хордоніями оканчивается рядъ безпозвоночныхъ предковъ человѣка. Эмбріологія показываетъ, что далѣе предками человѣка были безчерепныя, представителями которыхъ въ настоящее время является ланцетикъ (*amphioxus lanceolatus*), непарноносая (изъ нынѣ живущихъ организмовъ къ нимъ наиболѣе близки круглоротыя рыбы), зелахіи (сходны съ теперешними косоротыми), дипневты (плавательный пузырь у нихъ сталъ преобразовываться въ легкія), зоцобранхіи (имѣвшія легкія и жабры), зоцуры (сначала имѣвшія жабры, но потомъ ихъ терявшия, какъ теперешнія лягушки), протамніи-первоамніоты (представлявшіе собою промежуточное звено между саламандрами и ящерицами). Послѣ этого, поучаетъ насъ эмбріологія, освѣщенная біогенетическимъ закономъ Геккеля, предки наши приблизились къ типу млекопитающихъ. Сначала явились примамаліи—первомлекопитающія (приближающіяся къ теперешнимъ птицеязвѣрямъ—къ утконосу), отъ нихъ произошли сумчатыя, отъ сумчатыхъ—полуобезьяны, отъ полуобезьянъ—хвостатыя обезьяны. За ними послѣдовали человѣкообразныя обезьяны, обезьянноподобные люди и, наконецъ, явился *homo sapiens*.

Если бы біогенетический законъ существовалъ дѣйственно, то и тогда приложеніе его къ человѣку, по мысли Васманна, было бы произвольнымъ; но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ этотъ законъ? Представляетъ ли индивидуальное развитіе каждого существа только сокращенное повтор-

реніе его родовой исторії? Нѣтъ, исключенія изъ этого закона гораздо многочисленнѣе, чѣмъ осуществленіе предполагаемаго правила. Большая часть стадій индивидуального развитія не согласуется съ гипотетическими ступенями развитія родового. Геккель не совсѣмъ забылъ объ этомъ, но онъ вздумалъ спасти свою теорію, признавъ два различныхъ элемента въ исторіи индивидуального развитія—палингенезію (*παλιν—γένεσις*), воспроизводящую родовое развитіе, и кеногенезію (*καινη—γένεσις*), представляющую отступленія отъ родовой исторії. Эта кеногенезія является по Геккелю какимъ то обманнымъ элементомъ въ исторіи развитія допускаемымъ природою подъ давленіемъ требованій приспособленія, которому подчинены сѣмена различныхъ организмовъ. Но конечно, говорить Васманъ, не природа лжесвидѣтельствуетъ о своихъ законахъ, а эти мнимые законы являются ложью ихъ тенденціознаго изобрѣтателя.

На самомъ дѣлѣ каждымъ индивидуальнымъ развитіемъ заправляются три слѣдующіе фактора. Во 1) общіе законы органическаго роста (созрѣваніе, каріокинезис—процессъ состоящей въ раздѣленіи ядра и клѣточки и перераспределѣніи ея элементовъ, имѣющій своимъ слѣдствіемъ образованіе изъ одной клѣточки двухъ, дѣленіе клѣтокъ). Во 2) специальные пути, которыми опредѣляется ростъ организма, обусловливаемые его происхожденіемъ, т. е. наслѣдственностью. Въ 3) специальные пути для роста организма, обусловливаемые приспособленіемъ организма къ внѣшнимъ вліяніемъ и равно потомъ фиксируемые наслѣдственностью. Биогенетический законъ есть искусственно изолированный отъ другихъ второй иѣзъ этихъ факторовъ и провозглашенный независимымъ закономъ. Неосновательность этой претензіи была указываема неоднократно. Васманъ указываетъ въ подтвержденіе этого на работу J. Reinke—*Studien zur vergleichenden Entwicklungsgeschichte der Laminariaceen*. Ламинариаціі—бурыя водоросли, обитающія въ холодныхъ и умеренныхъ моряхъ, развитіе ихъ Рейнке противопоставляетъ требованіямъ биогенетического закона.

Васманъ не отрицаєтъ того, что развитіе человѣческаго зародыша представляеть нѣкоторое неопределеннное сходство съ извѣстными стадіями животной жизни, но онъ считаетъ это понятнымъ само собою, такъ какъ развитіе сѣмени

по его внутренней природѣ и по законамъ роста необходимо должно идти отъ простого къ сложному, отъ общаго къ частному. Исходнымъ началомъ развитія организма должна быть одноклѣточная стадія и затѣмъ зародышъ долженъ проходить различная многоклѣточные стадіи постепенно приближающія его къ конечной цѣли развитія. Развитіе эмбріона въ различные моменты должно имѣть различные степени совершенства, пока не будетъ достигнута цѣль развитія. Всѣ эти измѣненія въ развитіи могли бы слѣдовать также, если и не предполагать никакой исторіи развиція. Какъ же можно утверждать вмѣстѣ съ Геккелемъ, что развитіе человѣческаго зародыша есть очевидная рекапитуляція его родовой исторіи? Это просто фантазія.

Въ индивидуальномъ развитіи нѣкоторыхъ животныхъ есть стадіи, которыхъ на самомъ дѣлѣ могутъ быть объясняемы лишь какъ результатъ родовой исторіи. Такъ въ индивидуальномъ развитіи придатковъ брюшка *Termitoxenia*, принадлежащихъ къ роду термитофильныхъ двукрылыхъ, замѣчается появленіе дѣйствительныхъ крыльевыхъ жилокъ, которыхъ объясняются тѣмъ, что предки *Termitoxenia* были дѣйствительными двукрылыми. Подобные примѣры, только очень рѣдко, можно находить и у высшихъ животныхъ. Кюкенталь сдѣлалъ интересное открытие, что нѣкоторые виды китовъ въ эмбриональномъ состояніи владѣютъ зубами, а во взросломъ ихъ лишены. Съ другой стороны палеонтологическая находки показываютъ, что древнѣйшіе ископаемые киты третичнаго периода владѣли зубами. Мы отсюда не только въ правѣ, но обязаны заключать, что данный родъ китовъ произошелъ отъ зубастыхъ и теперешніе эмбриональные зубы ихъ есть только напоминаніе ихъ родовой исторіи, не имѣющіе никакой особенной биологической цѣли, такъ какъ эмбріоны китовъ также мало могутъ жевать, какъ и эмбріоны другихъ млекопитающихъ. Если бы подобная стадія можно было указать въ человѣческомъ развитіи, это дѣйствительно представляло бы нѣкоторое доказательство вѣроятности происхожденія человѣка по тѣлу отъ животныхъ предковъ. Но доселѣ подобныхъ явлений не замѣчено въ человѣкѣ. Указываютъ, что въ эмбриональномъ состояніи человѣкъ на нѣкоторой стадіи имѣть подобіе плавниковъ и жабръ, но эти образованія играютъ важную роль въ эмбрі-

нальной жизни человѣка и слѣдовательно имѣютъ прямое назначеніе безъ того, чтобы мы строили гипотезу о существованіи у насъ предковъ съ плавниками и жабрами. Если взять родъ *Lernaea*—паразитирующихъ на ракахъ веслоногихъ, то фактъ, что въ юномъ состояніи они имѣютъ видъ личинокъ головоногихъ, между тѣмъ какъ выросшая самка преобразуется въ колбасообразный яичный мѣшокъ, подсказываетъ выводъ, что паразитической родъ *Lernaea* произошелъ отъ нѣкогда свободно жившихъ веслоногихъ, измѣнившихся впослѣдствіи по причинѣ приспособленія къ паразитическому образу жизни. Но такихъ несомнѣнно филогенетическихъ явлений въ исторіи развитія человѣка нѣть.

Теперь имѣются двѣ главныя теоріи животнаго происхожденія человѣка. Одна изъ нихъ представляетъ собою лишь дальнѣйшее развитіе обезьянѣй теоріи Карла Фогта. Ею принимается непосредственное, прямое родство человѣка съ человѣкообразными обезьянами, такъ называемыми приматами. Такъ, напримѣръ, Фриденталь объявляется, что человѣкъ есть настоящая обезьяна. Другая теорія, напротивъ, исключаетъ возможность прямого родства человѣка съ нынѣшними обезьянами, она допускаетъ косвенное, отдаленное родство обоихъ, выводя ихъ изъ общей гипотетической родовой формы, которая должна была существовать въ древнетретичное или даже дотретичное время.

Васманъ останавливается на двухъ новыхъ доводахъ въ пользу первой теоріи. Селенка открылъ, что высшія обезьяны подобно человѣку въ эмбриональномъ состояніи владѣютъ дискоидальною плацентою, между тѣмъ какъ у низшихъ обезьянъ плацента бидискоидальная. Плаценты нѣть у низшихъ млекопитающихъ — монотремата — однопроходныхъ и она имѣется лишь по исключенію и въ весьма несовершенномъ видѣ у сумчатыхъ такъ, что высшія млекопитающія противополагаются этимъ обоихъ подклассамъ, какъ плацентарные. Но съ другой стороны плацента существуетъ у нѣкоторыхъ акуль и даже у членистоногихъ, именно у американского *peripatus* и у индійскаго скорпиона, что утверждаетъ Полянскій. Если по плацентѣ судить о родствѣ, то плацентарные млекопитающія, во главѣ которыхъ стоитъ человѣкъ, должны имѣть своимъ предкомъ индійскаго скорпиона.

Гансъ Фриденталь полагаетъ, что онъ открылъ прямое родство крови человѣка и приматовъ. По опытамъ Фриденталя, опытамъ, нужно замѣтить, далеко неполнымъ и несвободнымъ отъ возраженій, человѣческая кровь дѣйствовала какъ растворяющее начало на кровяные шарики павіановъ, но не дѣйствовала такъ на кровь приматовъ. Опытовъ было произведено пока немного и они давали неоднообразные результаты. Такъ кровяная сыворотка павіановъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ растворяла красные шарики человѣческой крови, въ нѣкоторыхъ—нѣтъ. Не вполнѣ выяснено еще—безусловно ли кровяная сыворотка человѣка не растворяетъ красные шарики крови приматовъ?

Но если это и будетъ установлено, то отсюда слѣдуетъ только, что человѣческая кровь имѣеть нѣкоторыя общія химическія свойства съ кровью человѣкообразныхъ обезьянъ и что этихъ свойствъ нѣтъ у павіановъ и другихъ позвоночныхъ. Но нельзя смѣшивать сходство химическихъ свойствъ съ тожествомъ происхожденія. По собственнымъ опытамъ Фриденталя кровь нѣкоторыхъ ракообразныхъ (сан-сер *ragurus*) или трубчатыхъ червей (*Arenicola piscatorum*) не растворяетъ кровяныхъ шариковъ серебристой чайки или крысы. Но отсюда безусловно нельзя дѣлать вывода, что крысы происходятъ отъ трубчатыхъ червей или серебристыя чайки отъ ракообразныхъ. Нельзя также изъ этого факта выводить происхожденіе человѣка отъ оранг-утанга. Можно вѣдь аргументировать и такъ: кровь ракообразныхъ и трубчатыхъ червей не растворяетъ кровяныхъ шариковъ чайки и крысы, раки и черви неродственны чайкамъ и крысамъ. Кровь человѣка не растворяетъ кровяныхъ шариковъ оранг-утанга, слѣдовательно они неродственны между собой. Но если можно дѣлать выводы и такъ и наоборотъ, то ясно, что эти выводы имѣютъ очень малую цѣнность.

Новѣйшія ультрамикроскопическія изслѣдованія повидимому доказываютъ рѣзкое различіе между человѣческою кровью и всякимъ видомъ крови животной. Наконецъ, по опытамъ Брумпта сонная болѣзнь, причиняемая паразитомъ живущимъ въ крови, можетъ быть привита всѣмъ млекопитающимъ за исключеніемъ обезьянъ и свиньи. Можно ли отсюда дѣлать выводъ, что эти животныя болѣе далеки отъ человѣка, чѣмъ другія млекопитающія?

Обезьяныю теорію подрываєтъ другая теорія, которую Васманъ считаетъ болѣе допустимою. Согласно этой теоріи человѣкъ и обезьяны являются конечными членами двухъ независимыхъ родовъ развитія, которые только въ своемъ кориѣ восходятъ къ общей родовой формѣ, существовавшей вѣроятно въ третичное или даже дотретичное время. Представителемъ этой теоріи является гейдельбергскій профессоръ Клаатшъ. Эта теорія выходитъ изъ того, что образование тѣла человѣка и обезьянъ обнаруживаетъ два различныхъ направлениія эволюціи млекопитающихъ, направлениій сильно расходящихся въ ихъ конечномъ результатахъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи обезьяны даже какъ будто бы превзошли человѣка: рука человѣка скорѣе напоминаетъ руку полуобезьянъ, чѣмъ руку антропоидовъ, и человѣческая нога особыннымъ положеніемъ своего большого пальца рѣзко отличается отъ хватательной ноги обезьянъ. Совершеннѣйшее развитіе мозга и обусловленный имъ вертикальный ходъ, связанный далѣе съ соответствующими особенностями въ строеніи конечностей, вотъ—главные моменты, которые должны быть приняты во вниманіе при обсужденіи вопроса и которые приводятъ къ заключенію, что человѣкъ тѣлесно—съ чисто зоологической точки зрѣнія—долженъ быть разсматриваемъ какъ представитель особаго порядка млекопитающихъ. Въ этомъ отношеніи и только въ этомъ Васманъ находитъ допустимымъ тезисъ Морица Альсберга (въ сочиненіи *Die Abstamnung des Menschen*. 1902), что „вообще немыслимо допустить происхожденіе человѣка отъ обезьянъ и что о родственныхъ отношеніяхъ между человѣкомъ и обезьяною можно говорить лишь, поскольку оба соединяются въ кориѣ общаго родословного дерева, которое въ концѣ концовъ одно и то же для всѣхъ млекопитающихъ“.

Но эта теорія вызываетъ много возраженій.

Во-первыхъ. Гипотетическая родовая форма человѣка и обезьянъ, жившая въ древне-третичное или дотретичное время, есть лишь простой продуктъ творческаго воображенія. Свойства, приписываемыя этой формѣ такъ неопределены, спутанны, частію противорѣчивы, что этого предка людей и обезьянъ можно считать просто за *universalis a parte*, не способнаго къ реальному существованію. Ранѣе на антро-

ологическомъ конгрессѣ въ Линдау 1899 г. сказалъ объ этомъ предкѣ, созданномъ воображеніемъ Клаатша, это— фантазія, а не наука.

Во-вторыхъ. Въ вопросѣ о происхожденіи человѣка учить не только сравнительная морфология, но рѣшительное слово принадлежитъ палеонтологіи. У этой послѣдней науки мы должны освѣдомиться, что она можетъ сообщить о предкахъ человѣка на основаніи своихъ ископаемыхъ памятниковъ. И чѣмъ далѣе въ раннѣйшіе періоды земной исторіи отодвигаемъ мы общую родовую форму человѣка и теперешнихъ обезьянъ, тѣмъ болѣе палеонтологія должна намъ показать промежуточныхъ звеньевъ между этой родовою формою и нынѣ живущими крайними представителями обоихъ родовъ. Въ уста палеонтологіи Васманъ влагаетъ такой отвѣтъ. Мы знаемъ очень богатое видами родословное дерево теперешнихъ обезьянъ, идущее отъ древнѣйшаго третичнаго періода до настоящаго времени, *Grundzüge der Paläontologie* насчитываютъ не менѣе 30 родовъ ископаемыхъ обезьянъ и 18 родовъ обезьянъ на протяженіи отъ эопена до диллювіального времени. Но между предполагаемою родовою формою и теперешнимъ человѣкомъ не найдено никакого промежуточного звена. Вся гипотетическая родословная человѣка не знаетъ ни одного ископаемаго рода, ни одного ископаемаго вида.

Представляютъ отдѣльныя доказательства животнаго происхожденія человѣка. На первомъ мѣстѣ здѣсь поставляется *Pithecanthropus erectus* изъ Явы. Нашедшій его Дюбуа полагаетъ, что онъ не человѣкъ и не обезьяна, но промежуточное звено между ними. Вирховъ на лейденскомъ конгрессѣ 1895 г., гдѣ онъ былъ почетнымъ президентомъ, выяснилъ, что нельзя съ увѣренностью утверждать, будто найденные кости принадлежать одному индивидууму и что еще менѣе можно рѣшить—былъ ли этотъ индивидуумъ человѣкомъ или обезьяной: бедрная кость говоритъ какъ будто за человѣка, черепная покрышка—за обезьяну. Только въ случаѣ если бы былъ найденъ полный скелетъ *Pithecanthropus* можно бы было произнести рѣшительное сужденіе о его положеніи въ зоологической систематикѣ. Это разсужденіе Вирхова сохраняетъ всю свою силу донынѣ.

Къ этому должно прибавить слѣдующее. Іванскій пите-

кантропъ жилъ повидимому или въ древне-диллювіальный или въ новѣйшій третичный періодъ, но по теоріи человѣкъ и обезьяны должны были разойтись раньше. Затѣмъ питекантропъ по нѣкоторымъ своимъ свойствамъ дѣйствительно представляеть какъ бы промежуточное звено между человѣкомъ и обезьянной, но по другимъ свойствамъ онъ является какъ бы промежуточнымъ звеномъ между высшими и низшими обезьянами настоящаго времени. На это обратилъ вниманіе профессоръ Швальбе, самъ заинтересованный въ отысканіи доказательствъ животнаго происхожденія человѣка. Теперь больше склоняются къ тому, чтобы видѣть въ питекантропѣ боковую вѣтвь рода обезьянъ. Его нужно помѣщать не въ ряду предковъ человѣка, а въ ряду предковъ современныхъ обезьянъ. Рихардъ Гертвигъ склоняется къ выводу, что скорѣе всего останки Яванского скелета принадлежитъ вымершей гиббонообразной обезьянѣ, отличающейся отъ современныхъ необыкновенно величиною и громадною емкостью черепа, заставляющей предполагать относительно большой мозгъ. Точно также Макнамара пришелъ къ заключенію, что питекантропъ есть чистая обезьяна большой величины. Онъ при помощи методовъ измѣренія Швальбе произвелъ сравненіе Яванского черепа съ черепомъ чимпанзе. Оказалось, что они различаются между собою почти лишь величиною, но не формою.

Но *Pithecanthropus* не стоитъ одиноко, въ неандертальскомъ человѣкѣ онъ нашелъ своего юнѣйшаго молочнаго брата, о которомъ говорять, что онъ не долженъ считаться ни настоящимъ человѣкомъ, ни настоящей обезьянью, но промежуточнымъ звеномъ между обоими. Честь этого открытія принадлежитъ страсбургскому профессору Швальбе. Гений Швальбе, вызываетъ удивленіе тѣмъ, что ему удалось къ одинаццацти существующимъ мнѣніямъ относительно неандертальского человѣка прибавить двѣнадцатое. Но цѣнность этого взгляда колеблется, разъ ему противоставятъ другіе взгляды. Неандертальца считали то идіотомъ, то монгольскимъ казакомъ, то древнимъ германцемъ, древнимъ голланцемъ, древнимъ фризомъ, кузеномъ австралійскаго негра, примитивнымъ первочеловѣкомъ, примитивнымъ обезьяночеловѣкомъ. Эта научная судьба остатковъ неандертальского скелета показываетъ, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ

много значущихъ находокъ, изъ которыхъ каждый изслѣдователь извлекаетъ то, что ему нравится. Было бы преступно на основаніи подобныхъ находокъ заявлять, что теперь найдено связующее звено между обезьяною и человѣкомъ.

Затруднительность дѣла опредѣленія неандертальской находки становится еще больше вслѣдствіе того, что невозможно опредѣлить ея геологической возрастъ. Раффъ подчеркнулъ, что никакой компетентный изслѣдователь не видалъ неандертальского скелета въ его первоначальномъ положеніи. Когда Фюльротъ, открывшій его, пришелъ на мѣсто находки, рабочіе уже вынули глину съ костями и помѣстили у подножія скалы. Уже Вирховъ отмѣтилъ, что никто не видалъ—помѣщались ли кости въ дилювіальной глине. А вся слава неандертальского черепа обусловливалаась тѣмъ, что о немъ сначала утвердились мнѣніе, будто онъ лежалъ въ дилювіальной глине, которая образовалась ко времени древнихъ млекопитающихъ. Знаменитый неандерталецъ могъ быть гораздо новѣйшаго происхожденія, чѣмъ дилювіальная глина пещеры, въ которой лежалъ: онъ могъ быть погребенъ въ ней позднѣе. Съ этимъ падаютъ все утвержденія относительно значенія черепа для теоріи развитія.

Для полнѣйшаго выясненія взглядовъ Швальбе на неандертальского человѣка должно еще замѣтить, что Швальбе совершенно не допускаетъ прямого родства между питекантропомъ и неандертальскимъ первочеловѣкомъ. Первый представляетъ собою боковую вѣтвь рода обезьянъ, послѣдній—дѣйствительнаго предка современаго человѣка. Клаатшъ и вмѣстѣ съ нимъ многие другіе антропологи хотятъ поставить неандертальского человѣка только въ нѣкоторую параллель съ питекантропомъ. Неандертальский человѣкъ, по ихъ мнѣнію, будучи представителемъ первочеловѣческой формы, не былъ ни теперешнимъ человѣкомъ, ни теперешнею обезьяною, но въ нѣкоторомъ отношеніи онъ напоминаетъ еще ниже стоящаго питекантропа, только принадлежащаго совсѣмъ къ другой вѣтви. Это воззрѣніе само по себѣ довольно невинно, хотя то положеніе Швальбе, что неандерталецъ не былъ существомъ принадлежащимъ къ роду homo, но промежуточное звено между этимъ родомъ и гипотетическими животными предшественниками, считаемъ совершенно неудачнымъ и решительно отвергаемъ изъ естественно-науч-

ныхъ соображеній. Вирковъ показалъ, что теперь нѣкоторые физы, будучи людьми въ полномъ смыслѣ слова, имѣютъ черепъ неандертальской формы.

Мы можемъ спокойно смотрѣть на будущее. Если будетъ установлено, что доисторический скелетъ изъ Спи, нолетская челюсть, десять доисторическихъ скелетовъ найденныхъ около Аграма въ Кроаціи дѣйствительно имѣютъ характеристические признаки, принадлежащіе неандертальскому черепу, то намъ должно будетъ признать въ неандертальцѣ и его современникахъ не животноподобныхъ предшественниковъ людей, а особую древнюю доисторическую расу. Отступленія у этой расы отъ теперешняго типа *homo*, именно сильнѣйшее развитіе нижней челюсти, удовлетворительно объясняются приспособленіемъ къ условіямъ тогдашняго существованія. Человѣкъ вель тогда жестокую борьбу за существованіе. Его челюсть была нужна ему, чтобы ъесть свой жесткій хлѣбъ и разгрызать крѣпчайшіе орѣхи, тогда какъ у его потомковъ вслѣдствіе болѣе благопріятныхъ условій существованія образовалась челюсть нѣжнѣе и слабѣе. Такъ въ неандертальскомъ первочеловѣкѣ теорія животнаго происхожденія человѣчества не нашла ничего.

Теперь Швальбе не говорить уже, что неандерталецъ—особенный родъ человѣка, онъ видитъ въ немъ нѣкоторый особенный видъ, называемый *homo primigenius*. Но это выдѣленіе людей неандертальского типа въ особый видъ недопустимо. Это—очень обыкновенный типъ, который мы находимъ теперь въ деградировавшихъ человѣческихъ расахъ, наприм., у австралійцевъ. Горячій приверженецъ Швальбе Макнамара совершенно разрушилъ его гипотетическую постройку, показавъ, что у австралійцевъ и тасманцевъ имѣется та форма черепа, которую, говорятъ, характеризуется *homo primigenius*.

Когда профессоръ Бранко, директоръ геологическо-палеонтологического института берлинского университета держалъ заключительную рѣчь „Ископаемый человѣкъ“ на V международномъ зоологическомъ конгрессѣ въ Берлинѣ 16 августа 1901 г., его слушатели зоологи съ крайнимъ интересомъ ожидали воспринять взгляды этого специалиста относительно по палеонтологическимъ основаній животного происхожденія человѣка. Питавшіе дарвинистической надежды скоро уви-

дѣли себя разочарованными. Рѣчъ Бранко оказалась направленной противъ разсужденій Геккеля (26 августа 1898 г. на IV международномъ зоологическомъ конгрессѣ въ Кембридже) „о нашихъ настоящихъ знаніяхъ относительно происхожденія человѣка“.

Главное положеніе рѣчи Бранко формулировалось такъ: человѣкъ является передъ нами въ земной исторіи по истинѣ, какъ *homo novus*, а не какъ потомокъ раннѣйшихъ родовъ. Между тѣмъ какъ большая часть млекопитающихъ настоящаго времени, оказывается, имѣть длинные ряды предковъ въ третичное время, человѣкъ является прямо и внезапно въ дилювіальную эпоху такъ, что мы ничего не знаемъ о его третичныхъ предшественникахъ. Третичнаго человѣка нѣтъ, а слѣды его дѣятельности въ третичное время имѣютъ сомнительную природу. Напротивъ, остатковъ дилювіального человѣка много, но дилювіальный человѣкъ выступаетъ какъ совершенный *homo sapiens*. Очень многіе изъ этихъ древнѣйшихъ людей владѣли черепомъ, которымъ могъ бы гордиться каждый изъ нась. Они также не имѣли ни длинныхъ обезьяноподобныхъ рукъ, ни обезьяноподобныхъ зубовъ. Нѣтъ, дилювіальный человѣкъ по всякой оцѣнкѣ былъ дѣйствительнымъ человѣкомъ.

Какъ на единственное исключеніе изъ этихъ фактовъ Бранко указалъ на неандертальскій черепъ и на скелетъ изъ Спи, но эти исключенія, прибавилъ онъ, слишкомъ спорной и темной природы такъ, что они не могутъ измѣнить выводовъ изъ вышеуказанныхъ фактовъ. Притомъ подобныя исключенія довольно часто встрѣчаются и теперь, на что обратили вниманіе Вирховъ и Ранке.

Отсюда на вопросъ: кто былъ предкомъ человѣка, Бранко даетъ слѣдующій чисто научный отвѣтъ: *пaleонтология ничего не знаетъ объ этомъ, она не знаетъ предковъ человѣка*. Въ этомъ положеніи заключается квинтэссенція всей бранковской рѣчи.

Но къ этому чисто научному содержанію Бранко сдѣлалъ спекулятивную прибавку, въ которой высказалъ свое личное воззрѣніе, что человѣкъ по зоологическимъ основаніямъ, между которыми фриденталевское открытие „родства“ крови у человѣка и приматовъ занимаетъ первое мѣсто, долженъ быть рассматриваемъ только какъ высоко развитое живот-

ное. Этому ненужно удивляться. Бранко говорилъ передъ зоологами, которые въ большей части привыкли судить о человѣкѣ чисто зоологически. Во всякомъ случаѣ приходится отмѣтить противоположность между научнымъ тулowiщемъ бранковскаго реферата и его десцендентно теоретическимъ хвостомъ. Въ первомъ Бранко говорилъ какъ специалистъ палеонтологіи, и пришелъ къ заключенію: мы не знаемъ предковъ человѣка; въ послѣднемъ онъ, не будучи специалистомъ, къ ослабленію того содержанія прибавилъ: не смотря на это, мы по чисто зоологическимъ основаніямъ должны вѣрить въ происхожденіе человѣка отъ обезьяны.

Свое разсужденіе Васманъ заключаетъ такъ: „нашъ окончательный приговоръ о научныхъ доказательствахъ животнаго происхожденія человѣка вмѣстѣ съ Ранке мы можемъ выразить въ слѣдующемъ положеніи: съ достоинствомъ науки согласно лишь одно—сказать, что она ничего не знаетъ о происхожденіи человѣка“.

C. Глаголевъ.

(Продолженіе будетъ).
